

ГЛАВА XIII

Демократия на фоне Чечни

*Кость в горле России • Переговоры
с чеченской делегацией • Экскурс в историю •
Опасная иллюзия властей • Самолеты бомбят Грозный •
Андрей Козырев выходит из "ДВР" • Популярность
Бориса Ельцина падает • Переговоры о единстве •
Кульбит Григория Явлинского • Буденновск •
Вотум недоверия • Парламентские выборы •
Первомайск • Президентские выборы*

ЯУЖЕ писал о том, что мое первое вхождение в правительство в 1991 году совпадало по времени с бесславно провалившейся попыткой ввести чрезвычайное положение в Чечне. С тех пор развитие событий в этой республике очень тесно переплелось с судьбой реформ и демократии в России. Сначала, пока Чечня находилась на периферии общественного внимания, эта связь была менее очевидной, но потом, с течением времени, становилась все более и более явной и тревожной.

Как уже говорилось выше, еще в царской империи было заведено, что министр обороны подчиняется непосредственно государю. Конечно, он взаимодействовал с Советом Министров по финансовым и хозяйственным вопросам, но на его заседаниях не имел права докладывать о мобилизационном планировании, дислокации войск и т.д. Невозможно было представить, что премьер-министр, скажем, Столыпин или Коковцов, дает прямые указания министру обороны, что ему следует делать с вооружением, как перемещать части... Это просто находилось за гранью его компетенции.

Подобная структура правительства пережила и царя, и советскую власть и досталась демократической России. А потому собственно военные вопросы, связанные с Чечней, не могли быть сферой забот на-

шего правительства реформ. То, с чем мы столкнулись в первую очередь, — это проблемы Грозненского нефтеперерабатывающего завода, на продукцию которого было во многом завязано снабжение нефтепродуктами Северного Кавказа. Общая диспозиция в правительстве по этому вопросу была предельно простой — оказывая экономическое давление, добиваться ограничения и сокращения поставок волжской и сибирской нефти на Грозненский нефтеперерабатывающий завод. Минтопэнерго доказывало, однако, что по чисто технологическим причинам резкое сокращение поставок туда чревато серьезными проблемами. Приводились аргументы, связанные с отсутствием аналогичных мощностей у других заводов, трудностью реорганизации транспортировки на Северный Кавказ, невозможностью остановить поставку парафинистой нефти из Ставрополя без катастрофического ущерба для нефтепроводов и самих скважин. В целом поставки нефти на Грозненский НПЗ сокращались, но умеренно: в 1992 году уменьшились по отношению к 1991 году примерно на 4 млн тонн.

Вторая проблема, связанная с Чечней, обострилась к весне — началу лета 1992 года. Речь шла о так называемых чеченских авизо, крупномасштабной афере, несанкционированной эмиссии денежных средств. Надо сказать, что вся эта тема вплотную переплеталась с общей проблемой перестройки системы расчетов и отношений в рублевой зоне. С экономической точки зрения не было никакой разницы между чеченскими, казахскими, украинскими или узбекскими авизо. Все они оставались рудиментами продолжающегося фиктивного существования общесоюзной рублевой зоны без эффективного административно-политического контроля над каждым элементом этой структуры. Мы форсированно вели работу по переводу центральных банков бывших союзных республик на корреспондентские счета. Это было абсолютно необходимой предпосылкой наве-

дения порядка и организации жесткого контроля за денежным обращением в России. На этой основе только и можно было надежно перекрыть поток чеченских авизо. Что и было сделано к июлю 1992 года.

Именно летом 1992 года, когда стало ясно, что голода не будет, что российские структуры обрели минимальную устойчивость, а самые острые проблемы, связанные с распадом империи, удалось решить без катастрофических последствий, вопрос о выработке стратегии решения чеченской проблемы встал на повестку дня во весь рост.

В один из летних дней ко мне на прием прибыла делегация чеченского правительства. Общий смысл высказанного ею: "У Чечни есть свои политические проблемы, мы люди дела, хозяйственники и считаем, что надо серьезно налаживать экономические связи". Я ответил, что, без всякого сомнения, они люди дела и хозяйственники, но, вместе с тем, именно как хозяйственники должны подтолкнуть свое руководство к осознанию необходимости политического движения в разумном направлении и без излишней резкости. I

Я отдавал себе ясный отчет в опасности попыток решить проблему силой. Чечня — особый уголок России с тяжелейшим наследием, оставшимся от царизма и усугубленным сталинской депортацией. Не удивительно, что тектонические процессы, приведшие к разрушению Советского Союза, дали чеченцам новый импульс к отделению от России. Нужно время, и немалое, для того, чтобы естественная экономическая логика, общие интересы породили интеграционные процессы и привели саму Чечню к осознанию жизненной необходимости существования в рамках единого российского экономического и политического пространства. Против силового решения свидетельствовал и исторический опыт многолетней кавказской войны, которую Россия вела в прошлом веке. Все говорило за то, что новая та-

кая война может быть очень дорогостоящей, тяжелой и затяжной.

Со всей остротой проблема выбора тактики действий государственных органов власти в регионе встала поздней осенью 1992 года, когда вспыхнул кровавый осетино-ингушский конфликт. Тогда пришлось срочно перебрасывать войска, вводить их сначала в Осетию, потом в Ингушетию. На фоне этих действий у некоторых военных руководителей возникла идея: уж если все равно приходится перебрасывать туда войска, то почему бы мимоходом не решить и проблему Чечни? Одним парашютно-десантным полком за два часа. Тем более, что граница между Ингушетией и Чечней четко не была определена. Где останавливать войска, вводимые в Ингушетию, неясно. Так почему же не воспользоваться случаем, для того чтобы разом вынуть занозу, которая раздражает весь Северный Кавказ?

Вопрос явно выходил за рамки компетенции правительства, носил президентский характер, но я все-таки решил вмешаться. Должен признать, что режим Дудаева не вызывал лично у меня ни малейшей симпатии. Но в шапкозакидательские заявления, разговоры о том, что он моментально рухнет, — что-то не верилось, уж очень плохо сочетается все это с историей Северного Кавказа, которую я хорошо знаю. Побывав в Назрани, Владикавказе, поговорив с офицерами, генералами, посмотрев ситуацию на месте, пришел к твердому убеждению — никаких двух часов, никакого парашютно-десантного полка не получится. А получится длинная, затяжная, кровавая партизанская война, из которой скоро не выбраться. Я вызвал в Назрань представителей Джохара Дудаева. Приехала делегация во главе с первым вице-премьером Чечни Я.Мамадаевым. Провели переговоры, договорились о линии разграничения российских войск и чеченских формирований вдоль ингушско-чеченской границы. Потом прилетел в Москву и не без труда добился от президента и воен-

ных согласия отвести войска и не переходить оговоренную черту.

Однако, как я уже неоднократно упоминал, 1993 год в России проходил под знаком двоевластия. Борьба различных властных ветвей практически исключала возможность выработки и реализации четкой и целостной политики, в том числе и на Северном Кавказе. И все же экономические санкции против дудаевского режима мы проводили последовательно, продолжалось сокращение поставок нефти, транспортная схема была реорганизована. К осени 1993 года остановили подачу нефти с замкнутых ставропольских нефтепромыслов. Перестройка системы расчетов исключила возможность повторения крупномасштабных махинаций с чеченскими авизо. Грозненские нефтепромыслы приходили во все больший упадок, добыча нефти внутри республики быстро падала. Крупные беспорядки, демонстрации в самой Чечне, вынудившие Дудаева применить силу, свидетельствовали о том, что не слишком броская, но последовательно реализуемая тактика экономического давления дает свои результаты. Идея чеченской независимости явно теряла своих сторонников.

После консолидации власти в Москве, преодоления кризиса двоевластия возможности российских органов проводить осмысленную политику в Чечне расширились. Именно в это время, в конце 1993-го — начале 1994-го, дудаевский режим переживал серьезный кризис. Доходы от реализации нефтепродуктов продолжали падать, нефтеперерабатывающий завод работая менее чем на 20 процентов мощности. Уровень жизни был существенно ниже, чем в других республиках региона. Дудаевский лозунг обеспеченной независимости, основанной на нефтяных доходах, явно терял всякую привлекательность. От Дудаева сбежали ближайшие его сподвижники — Гантемиров и Лабазанов. Он не мог уже навести порядок и установить свой контроль не только в традицион-

но дистанцировавшемся от него Надтеречном районе, но даже в ранее лояльном к нему Урус-Мартане. Руслан Аушев рассказывал мне, как Дудаев просил его и председателя Верховного Совета Аджарии Абашидзе помочь наладить диалог с Москвой.

Было ясно, что в сложившейся ситуации, если не хочешь кровопролитной войны на Кавказе, надо воспользоваться ослаблением режима для начала диалога, постепенно подготовить базу реального и эффективного включения Чечни в структуры российской государственности. Этот единственно правильный путь не обещал крупных политических дивидендов. Напротив, российские государственные деятели, вставшие на него, немедленно попадали под огонь демагогической критики — как это так, вести переговоры с незаконным режимом Дудаева? На каких правовых основаниях?

И вот в российских органах власти возникает поразительная по своей слепоте иллюзия. Если Дудаев такой слабый, если поддержка его в самой Чечне столь незначительна, зачем вообще вести с ним переговоры? Можно для начала вооружить антидудаевскую оппозицию и помочь ей задушить мятежника. А если с этим не получится, то почему бы не использовать силу напрямую: покажем Дудаеву кулак, и он смирится с поражением. Особенно уместной эта логика казалась на фоне итогов выборов декабря 1993 года, когда необходимо было показать триумфатору Жириновскому с его имперской и провоенной риторикой, что и мы не лыком шиты, тоже умеем бряцать оружием. Все эти рассуждения явно прокладывали дорогу к принятию силового решения по Чечне. Когда я и мои единомышленники из «ДВР» пытались убедить сторонников такого решения в предельной опасности задуманного, слышали в ответ: "Неужели непонятно, что нам сейчас нужна маленькая победоносная война?" Осознание того, что война будет отнюдь не победоносной, а бессмысленной и кровавой, пришло намного позже.

Ноябрь 1994 года. Провал штурма Грозного. Полное поражение оппозиции, поддержанной танками с российскими экипажами. Власти от них открещиваются. Самолеты без опознавательных знаков бомбят Грозный, президент ложится в больницу. Вскоре принимается решение начать военную операцию в Чечне.

До того, как решение это было объявлено, пытаюсь связаться с президентом. Впервые с 1991 года не могу дозвониться. Обычно в таких случаях он мне перезванивал сразу. Потом уже, задним числом, я понял, что Борис Николаевич, догадываясь, о чем я собираюсь с ним говорить, не хотел прямо отказывать. Я знаю, что и Руслан Аушев пытался предотвратить войну, убедить Ельцина сесть за стол переговоров с Дудаевым, самому разобраться во взаимных претензиях. Он был уверен, что такая личная встреча могла бы помочь избежать беды. Борис Николаевич назначил Аушеву аудиенцию, чтобы выслушать все его доводы на этот счет, но на следующее утро после данного обещания в средствах массовой информации появилось заявление о том, что президент России никогда не будет говорить с Джохаром Дудаевым.

Не дождавшись звонка от президента, звоню Черномырдину, говорю о том, что намеченное — страшная угроза для всего, что сделано. Необходимо не допустить войны. Вроде бы соглашается. Со званиваюсь с Олегом Попцовым, говорю, что решение вводить войска — трагическая ошибка. Он присылает телевизионщиков с камерой. Выступаю, делаю заявление, прошу российские власти остановить беду.

9 декабря, за день до того, как информация о военной операции в Чечне стала публичной, срочно собираю Политсовет "ДВР". Обговариваем два варианта. Первый: в случае начала военной операции резко и решительно выступить против нее, перейти в оппозицию к Ельцину и действующему правитель-

ству. Второе: выступая против бездарных методов реализации принятого решения, сохранить возможность диалога с властью.

Решительный сторонник первой позиции — Сергей Юшенков, второй — председатель московской городской организации "ДВР" Сергей Благоволин.

Решение для меня лично очень и очень нелегкое. С Ельциным нас связывают три года тяжелейшей борьбы за реформу в России. При всех разногласиях я глубоко уважаю его за то, что он уже успел сделать. Не очень вижу другого кандидата от умеренно демократических сил, который мог бы остановить явно набирающую силу коммунистическую волну. Совсем недавно, летом 1994 года, убеждал его в том, что нравится ему или не нравится, но придется участвовать в выборах 1996 года.

Я по-прежнему один из немногих людей, к мнению которых, как мне кажется, президент всерьез прислушивается. Понимаю, что переход в оппозицию нас отдалит, а значит, я утрачу возможность влиять на него, добиваться позитивных сдвигов в решении ключевых вопросов. Переход в оппозицию означает и неизбежное размежевание со значительной частью поддерживающей нас предпринимательской элиты, с теми, кто видит в "ДВР" партию, близкую к власти. Это и угроза размежевания в парламентской фракции, в самой партии.

Но есть ли другой выход? Война — это пылающий Грозный, десятки тысяч погибших мирных жителей, ответный террор. И все это на фоне хрупкой, еще не устоявшейся российской демократии неизбежно будет толкать в сторону полицейского государства. Как может либеральная партия в любой форме поддерживать политику, которая ведет к таким результатам?

Если бы я не работал в правительстве, не знал Павла Грачева, не понимал в каком, далеко не блестящем, положении находятся вооруженные силы, как слаба Федеральная служба контрразведки, у ме-

ня могли бы быть иллюзии, что военное решение будет быстрым, эффективным и почти бескровным. Но я-то понимаю, что все это чушь, что обернется все не двумя часами и парашютно-десантным полком, а действительно тяжелой, кровавой, затяжной войной. Прихожу к твердому убеждению: у нас просто нет другого выхода, кроме как жестко и последовательно выступить против военного решения чеченской проблемы.

При этом с самого начала ясно: никаких дивидендов от этой позиции мы сами не получим. Сколько бы мы ни выступали сегодня против начатой авантюры, тот факт, что ответственность за нее ложится на Ельцина, неизбежно отзовется мощным ударом по всем демократам, а следовательно, и по "Выбору России".

Сразу после объявления о начале военной операции пытаемся организовать массовые акции протеста. Проводим митинг на Пушкинской площади, потом на Театральной. Охватывает горькое ощущение: нет необходимой поддержки общества. Да, многим не нравится война, но не нравится и режим Дудаева, нет понимания того, какой огромной бедой, какой страшной кровью все это обернется. Некоторые искренне верят в то, что все будет кончено за несколько дней. Как точно сказал мой коллега по "ДВР" Сергей Юшенков, общество виновато в том, что не выступило против войны достаточно решительно, а это поощрило власти на авантюрные действия.

Для "ДВР" чеченская война обернулась тяжелейшим внутренним размежеванием. Партия создавалась как либеральная, близкая к демократической власти. В ней много людей, действительно приверженных демократическим убеждениям, но много и таких, кто пришел поддержать более или менее устраивающую их власть. Понимаю, что события в Чечне — источник неизбежного раскола. Либералы останутся с нами. Те, кто пришел в партию власти, будут искать себе другой политический берег. Выход

из "Выбора России" Андрея Козырева сразу после того, как мы выступили против чеченской войны, — наглядное тому подтверждение.

С Андреем Владимировичем познакомился осенью 1991 года, когда работали над программой действий российского правительства. Он неоднократно заходил к нам на огонек на 15-ю дачу, интересовался нашей работой. Не знаю, в какой степени это было взаимно, но я сразу проникся к нему симпатией. Интеллигентный, умный парень. Можно было посочувствовать его нелегким проблемам. Полная неопределенность статуса. Что такое МИД России при формально сохраняющемся Союзе, никто не понимает. Страна в тяжелейшем положении, не платит по своим долгам. Чтобы избежать голода, срочно нужны новые кредиты. Традиционные претензии на имперское величие находятся в разительном контрасте с реалиями государственного банкротства.

Надо признать, что при всех трудностях и просчетах во внешней политике 1991-1993 годов Козыреву удалось поразительно легко решить проблемы правопреемства России по отношению к Советскому Союзу и, как будто ничего не случилось, занять прежнее место в Совете Безопасности ООН. Постепенно, в очень нелегких условиях, удалось добиться позитивных сдвигов в отношениях с Западом, сделать в октябре 1993 года серьезный шаг к нормализации отношений с Японией. К концу 1993 года на фоне некоторой внутривнутриполитической и экономической стабилизации в России и преодоления кризиса двоевластия можно было говорить о том, что самые острые проблемы, порожденные распадом Советского Союза, российской дипломатией в целом решены. За три года Козырев завоевал немалый международный авторитет, для многих стал символом новой внешнеполитической стратегии России, ориентированной на интеграцию в европейские структуры, систему союзов с рыночными демократиями.

Да, без сомнения, крупные просчеты были допу-

щены в политике на Балканах, в отношениях с государствами, сформировавшимися на базе республик бывшего Советского Союза. Министерство иностранных дел очень медленно осваивалось с этой необычной для него сферой отношений. Но и здесь прогресс был очевиден. Хаос в государственных отношениях, при котором, используя традиционные межведомственные связи, государства Содружества умудрялись выбивать у того или иного российского ведомства односторонние уступки, постепенно уходил в прошлое.

Главной слабостью Андрея Козырева на посту министра иностранных дел, как мне кажется, было то, что он очень хотел быть министром иностранных дел. А это именно то качество, на которое у Бориса Николаевича Ельцина абсолютный нюх: как только он замечает, что высокопоставленный чиновник из его окружения держится руками и ногами за свое кресло, тот немедленно теряет его уважение, а вместе с ним и возможность отстаивать свою личную позицию. И превращается в зависимого исполнителя чужой воли.

Не избежал этой участи и Андрей Козырев, который постепенно начал изменять свои убеждения вместе с изменением генеральной линии власти. Думаю, что именно череда компромиссов и уступок и подвела Андрея Козырева к решению, принятому им в декабре 1994 года, когда в знак солидарности с начатой чеченской войной он демонстративно отмежевался от демократов и вышел из фракции "Выбор России". Отставку свою он таким образом не предотвратил, а лишь отсрочил. А вот репутацию человека, твердо стоящего за определенный стратегический путь России, утратил.

Но вернусь к раскрутке чеченских событий. Поначалу кажется — еще есть шанс избежать войны. Черномырдин принимает чеченских представителей, декларируя готовность к диалогу, есть надежда, что обойдется схемой демонстрации "большого ку-

лака” как базы для конструктивных переговоров. Но вместо этого — неожиданный ультиматум Николая Егорова с предложением Дудаеву срочно прибыть в Моздок для подписания акта о сдаче оружия. Партия войны явно убеждена, что силовое решение — самое быстрое и эффективное. Война! Буксующая военная машина, страшный, кровавый итог новогоднего штурма Грозного, бомбежки по площадям, гибель тысяч мирных, ни в чем не повинных людей. Все так, как мы предполагали, только еще страшнее.

Начало чеченской войны накладывается на тяжелый экономический кризис. Плоды борьбы с “рыночным романтизмом” и “монетаризмом” налицо. Правительство не сумело воспользоваться и созданными осенью-зимой 1993 года предпосылками стабилизации, опасно ослабило бюджетную и денежную политику. Клету 1994 года в полной мере ясно — крупномасштабная денежная эмиссия и быстрое разбухание денежной массы неизбежно взорвут финансовую стабильность осенью. В августе резко возрастает спрос на валюту, Центральный банк делает одну ошибку за другой. К сентябрю вложения в доллары становятся намного эффективней, чем в рублевые активы. Рост спроса на конвертируемую валюту приобретает взрывной характер. Центральный банк, валютные резервы которого истощены, умывает руки, уходит с рынка. Затем — резкое падение курса рубля, нарастание новой волны инфляции. Все результаты стабилизационных усилий осени 1993 года перечеркнуты. После “черного вторника” президент снимает председателя Центрального банка Виктора Геращенко, исполняющего обязанности министра финансов Сергея Дубинина и заместителя председателя правительства Александра Шохина. Первым вице-премьером по экономике назначен Анатолий Чубайс.

После начала чеченской войны происходит дальнейшее углубление экономического кризиса. Горящий Грозный — не лучший фон для стабилизации

онной политики. Рынки явно не верят в то, что вновь пропланированная линия на стабилизацию будет выдержана. Правительство, поставившее своей целью снижение к концу 1995 года инфляции до 1 процента в месяц, в начале этого года занимает деньги под 350–400 процентов годовых.

Уже в ходе чеченской войны несколько раз встречаемся с Анатолием Чубайсом, думаем, что делать — должен ли он оставаться в правительстве? Советуемся с Сергеем Ковалевым, обсуждаем на фракции. Выбор тяжелый: оставаться в правительстве — значит, неизбежно нести моральную ответственность за происходящее. Уйти в условиях тяжелейшего финансового кризиса, когда буквально дни отделяют страну от полной утраты валютных резервов, — граничит с капитулянтством.

Не знаю, что бы сделал я, если бы в это время еще оставался в правительстве, продолжал бы исполнять обязанности первого вице-премьера, ответственного за экономическую политику? Наверное, все-таки подал бы в отставку. В знак протеста против войны в Чечне. У Анатолия другая роль. К этому времени он в меньшей степени связан с неэкономическими аспектами политики правительства. У него роль специалиста-профессионала, ответственного за определенный важный участок работы. Взвешивая все "за" и "против", приходим к солидарному решению: Чубайс должен остаться и попытаться сделать все возможное для того, чтобы переломить негативную экономическую конъюнктуру, защитить рыночные механизмы, попытаться и в этой ситуации проводить осмысленную экономическую линию.

Между тем, в экономике Чечня поставила правительство перед жесткой альтернативой. Ясно, что за эту авантюру придется платить, и платить немало. Есть два пути: перечеркнуть все, что было намечено в конце осени — начале зимы 1994 года в плане осуществления стабилизационной политики, вернуть-

ся к крупномасштабным заимствованиям у Центрального банка, использованию печатного станка и тогда смириться с раскруткой инфляции, вынужденным отказом от конвертируемости рубля, пойти по дороге административного регулирования цен, начать в условиях войны формирование военной экономики. Или же — предпринять резкое сокращение расходов по всем статьям, заплатить за войну сжатым бюджетной сферы, дальнейшим сокращением и без того крайне низких доходов россиян, занятых в системе образования, здравоохранения, науки, культуры. Вновь выбор между катастрофическим и плохим вариантом. Правительство выбирает меньшее зло.

Потом становится ясно: стабилизационные усилия дали результат, инфляция к лету идет вниз, валютный курс стабилизируется, валютные резервы начинают расти. Но цена стабилизации в условиях войны очень высока. Падение реальных доходов зимой 1995 года рекордно с начала 1992 года, вся бюджетная сфера в состоянии хронического кризиса. Если неудачи экономической политики 1994 года, осенний всплеск инфляции существенно поколебали базу поддержки Ельцина, то непопулярная и неэффективная чеченская кампания еще более радикально изменила общественное настроение.

По всем социологическим опросам, да и просто по общению с избирателями видно: в 1995 году число тех, кто готов поддержать Ельцина, сокращается на глазах. И это не его личная проблема. Негативная оценка деятельности президента распространяется на всех демократов, и в первую очередь на наиболее тесно связанную с ним "ДВР". Осенью 1993 года мы дорого заплатили за отсутствие четкой и однозначной позиции президента, лишившее демократов их естественного лидера. Весной 1995 года платим еще дороже за стремительное падение его популярности.

Быстро падающая вместе с популярностью Ельцина привлекательность демократических лозунгов

объективно прокладывает коммунистам дорогу к власти. На следующих выборах явно будем идти против течения. Значит, тем важнее сделать все возможное, чтобы добиться единства демократов. Эта проблема, и ранее значимая, становится просто жизненно необходимой для России.

Выше я уже рассказывал о попытке демократов объединить свои усилия в период подготовки к парламентским выборам 1993 года. Тогда ничего путного из этого у нас не получилось. Относительно наших предостережений насчет реальной опасности коммунистической и национал-социалистической угрозы партнеры из “ЯБЛока” отшучивались: где это Гайдар обнаружил коммунистическую угрозу?

Уже после выборов Григорий Явлинский попросил о встрече, по возможности не в здании правительства. Я пару дней собирался отдохнуть в Барвихе. И заказал ему туда пропуск на машину, по его просьбе не называя фамилии. Григорий подъехал ко мне, мы часа полтора гуляли и беседовали. Он объяснял мне свою позицию — почему должен был в максимальной мере дистанцироваться от власти, но уверял при этом, что стратегически мы единомышленники и союзники, а значит, должны вместе думать о том, как обустроить Россию. Говорил о тактических выгодах положения, при котором все убеждены в нашей взаимной неприязни, и что в нужный момент мы сможем удивить своих политических оппонентов, договорившись о совместной деятельности.

Пару недель спустя он опять позвонил, попросил с ним встретиться, и мы договорились, что заедем к моим родителям и там все обсудим. В это время в Думе уже шли межфракционные переговоры по формированию парламентских комитетов. При встрече Григорий Алексеевич продолжал развивать тему совместной работы и очень просил поддержать претензии “ЯБЛока” на стратегически важный для него Комитет по бюджету. Я хорошо знал Михаила Задорнова, на мой взгляд, наиболее способного че-

ловека в команде Явлинского, считал возможным поддержать его кандидатуру, о чем и сказал. Это обязательство свое мы, разумеется, выполнили.

Объективная трудность для парламентской фракции "Выбор России" состояла в 1994-1995 годах в сочетании парламентской ответственности с ограниченными возможностями реально влиять на власть. Мы твердо голосовали против вотума недоверия правительству, убежденные в том, что смена его на пользу не пойдет, противостояли популистским решениям, способным подорвать финансовую стабильность. Короче говоря, мы всячески старались поддержать президента и правительство в любых разумных начинаниях. По многим проблемам, которые им необходимо было решать, они шли на широкий диалог с другими фракциями, иногда, чего греха таить, откровенно выторговывая за поддержку решение тех или иных депутатских проблем. На поддержку же "Выбора России" они могли рассчитывать и без торга, кроме тех случаев, когда речь шла о решениях, противоречащих нашим принципиальным программным положениям. В результате мы не получали серьезных политических преимуществ, создаваемых реальной властью, и вынуждены были дорого платить за поддержку конфликтных решений власти в социально-экономической области.

Небольшая по численности фракция "ЯБЛока" твердо стояла на антиправительственной позиции и голосовала, как правило, за вотум недоверия. Неотягощенная никакими обязательствами, она активно критиковала непопулярные в народе решения правительства, завоеывая себе политические очки. Григорий Явлинский нередко заходил ко мне поговорить не на публике. Нас объективно сблизила начавшаяся чеченская война. Мы оба считали ее опасной и бессмысленной авантюрой, не имеющей военного решения, выступали за прекращение боевых действий. Наши депутаты вместе работали в Чечне, пытались добиться освобождения раненых, обмена

военнопленных. Мы совместно выдвинули в Думе ряд законодательных инициатив, совместно их подписали, поддержали ряд общих заявлений. Одновременно чеченская война развела нас и с правительством, и с президентом. Казалось, само развитие событий с неизбежностью подталкивает демократов к тому, чтобы объединиться и совместно выступить на следующих парламентских и президентских выборах.

Было ясно, что ключ к единству — союз двух крупнейших демократических сил, представленных в парламенте фракциями "ДВР" и "ЯБЛока". В случае достижения согласия между ними для других, малых демократических партий и блоков, просто не оставалось иного выбора, как присоединиться к большой коалиции. В этой связи мои коллеги по "Выбору России" предложили такое решение. Мы заключаем с "ЯБЛоком" коалиционное соглашение о сотрудничестве по мажоритарным округам, договариваемся об общих подходах к стратегии и тактике пропагандистской кампании. А также о том, что тот демократический блок из входящих в коалицию, который получает больше голосов, будет иметь и право назвать своего кандидата в президенты, мы его вместе поддержим. Эта идея в общем не вызывала у Явлинского возражений, но казалась ему недостаточной. Он неоднократно говорил о том, насколько важно было бы сразу, не дожидаясь результатов выборов, определиться с кандидатом в президенты, с составом коалиционного правительства и общей платформой.

Соображение не бесспорное, но и не лишенное убедительности. В переводе на простой язык это звучало так: вы хотите добиться единства демократов, я хочу быть кандидатом от демократов в президенты. Поддержите меня, и мы на этой базе снимем все препятствия к этому единству. Своей идеей Григорий Явлинский делился с некоторыми членами нашей фракции, в частности с моим заместителем Бо-

рисом Золотухиным, просил ее поддержать. 9 мая 1995 года, после того как мы возложили цветы к Могиле Неизвестного Солдата, он подошел ко мне, предложил еще раз переговорить. Вместе не спеша дошли до дворика моего института в Газетном переулке. Явлинский привел уже знакомые мне аргументы в пользу такого решения, убеждал его принять.

Решение для меня было непростым. Действительно, демократические избиратели настойчиво требовали от нас единства. Им трудно было разобраться в том, кто выступает за него, кто — против. Они видели другое: суета и амбиции демократических лидеров не позволяют им соединить усилия для отпора реальной угрозе коммунистического реванша. На сей раз никто уже не спрашивал, откуда Гайдар выкопал эту угрозу, она — налицо. Было очевидно: если мы договоримся, это придаст нашим избирателям дополнительный оптимизм и уверенность в силе российской демократии. Появятся серьезные шансы усилить свое представительство в Думе, особенно если демократические кандидаты по мажоритарным округам не станут заниматься взаимной грызней, конкурировать друг с другом.

Я понимал, что без моего согласия на это его условие коалиции не будет, а значит, и надежды победить на парламентских и президентских выборах практически тоже не будет. Либо мы идем на выборы разрозненными и рискуем потерпеть тяжелое поражение, либо добиваемся единства, но ценой поддержки кандидатуры Григория Явлинского в президенты.

Взвешиваю все доводы. Да, Явлинский — честолюбец, но ведь интеллигентный человек, умный, не любит ни коммунистов, ни национал-социалистов, противник войны, сторонник частной собственности. Подробно беседую с ним насчет его экстравагантных финансовых идей, реализация которых, по моему убеждению, опасна, способна развалить народное хозяйство. По разговору понимаю — в этом

вопросе он отнюдь не собирается отстаивать свою жесткую позицию. Мы договариваемся встретиться на телевидении, в очередных "Итогах", с тем, чтобы подготовить избирателей к возможности нашего сотрудничества.

Снова обдумываю альтернативы. Без единства демократов настоящего либерала в президенты нам не провести. Наиболее серьезная угроза — коммунисты, в первую очередь Зюганов. Кто может ему противостоять? Ельцин? Черномырдин? На май 1995 года они слишком завязли с чеченской войной. Пока, судя по рейтингам популярности, демократические избиратели, по всей видимости, просто не проголосуют ни за того, ни за другого. И значит, будет Зюганов. Отсюда единственный наш шанс — создать демократический блок, добиться объединения "ЯБЛОка" и "Демвыбора". Поддержка Григория — необходимая цена. Придется ее заплатить. Еду на телевидение. Чуть позже приезжает Явлинский. Отвожу его в сторону и говорю, что готов принять его предложение. Он буквально преображается, в глазах триумф. Теперь при поддержке "ДВР" он не один из целой череды претендентов-демократов, а общепризнанный демократический кандидат в президенты. Меняется вся картина политического мира, открываются новые возможности. Явлинский предлагает тут же в эфире это и обозначить. Я соглашаюсь. Передачу смотрит практически вся политическая элита страны. Из нее очевидно — мы с Явлинским принципиально договорились о единстве демократов! Впрямую никакие слова не произнесены, но всем маломальски осведомленным все и так абсолютно очевидно. После передачи едем ко мне в институт и продолжаем разговор, конкретизируем, что делать дальше. Обсуждаем альтернативу: что лучше — общий блок или два блока, но с согласованными принципиальными позициями и согласованными кандидатами по мажоритарным округам; договариваемся решить этот вопрос в рабочем порядке. Оговарива-

ем принципиальные политические проблемы, не затронутые раньше, выработываем план дальнейшей деятельности. Мои помощники раздобыли бутылочку “Метаксы” — выпиваем по рюмке.

На следующее утро назначаю заседание Политсовета “ДВР”, чтобы проинформировать своих коллег о ходе переговоров, получить их принципиальное одобрение. Общий мандат на проведение переговоров мне предоставил прошлый пленум Совета партии. Утром — восторженные звонки и телеграммы из Москвы, Питера, регионов — ну наконец-то, договорились о единстве, не подвели. Резкий перелом в настроении демократического электората очевиден. Видимо, решение было правильное. Провожу Политсовет, коллеги почти единодушно поддерживают принятое решение. Кто-то, правда, упрекает в том, что мы дали Явлинскому слишком много. Но подавляющее большинство согласно: если это действительно обеспечит единство демократического лагеря на предстоящих выборах, игра стоит свеч.

Сразу после Политсовета подходит кто-то из журналистов, спрашивает, как я прокомментирую заявление Явлинского о том, что блока между нами не будет. Думаю, что это какое-то недоразумение, говорю, что не знаю о таком заявлении. До вечера пребываю в убеждении, что речь идет о какой-то ошибке, ведь еще оставшиеся не решенными между нами вопросы носят технический характер. Вечером смотрю новости, худшее подтверждается. Звоню Явлинскому, прошу завтра подойти ко мне и договориться, как выходить из положения, все еще надеюсь, что речь идет о технических огрехах. Однако настораживает растерянный голос Григория. Условливаемся встретиться в кабинете Сергея Юшенкова. Наутро приходит Явлинский, в глаза не глядит. Я говорю о том, что надо срочно исправить положение, сделать совместное заявление, подтверждающее наше единство и договоренности. Он в ответ произносит что-то маловразумительное. О внутренних трудное-

тях в “ЯБЛоке”, о том, что решение не было достаточно тщательно подготовлено и возникли какие-то проблемы. Все дальнейшее просто не понимаю. Кажется, еще что-то о коммунистах, которые, по его мнению, в борьбе с нынешней властью могут стать союзниками.

Чувство после расставания с ним преотвратнейшее, но все-таки в глубине души остаются сомнения: наверное, Явлинский встретил сопротивление внутри “ЯБЛока” и ему придется убеждать некоторых членов фракции, но в конце концов это ему удастся и он не откажется от заявленных на всю страну, обнародованных всенародно договоренностей. Вечером во вторник смотрю выступление Явлинского по телевизору и с изумлением узнаю, что, оказывается, никакой коалиции между “ЯБЛоком” и “ДВР” ни при каких обстоятельствах быть не может. Вот так! На первый взгляд — ситуация вернулась к исходной, существовавшей несколько дней назад. На самом деле — трагическое поражение демократов. Как будто из шара, взмывшего вверх, выпустили воздух. Только что была надежда на единство, серьезную борьбу, победу, и вдруг все рухнуло, причем это чувство испытали многие и многие демократические избиратели по всей стране. Им непонятно происходящее, они не вдаются в детали, просто констатируют, что демократические лидеры опять не договорились. Может быть, из-за личных амбиций.

Думаю, что именно в тот момент было predetermined поражение демократов на парламентских выборах 1995 года. Разрыв договоренностей между “ДВР” и “ЯБЛоком” объективно открыл дорогу дальнейшему дроблению сил демократии. Реальных шансов на победу в выборах у них не осталось.

Июнь 1995 года. В Думе поставлен вопрос о вотуме недоверия правительству Черномырдина. Для нас ситуация непростая: если этот вотум поддержит “Выбор России”, он непременно пройдет. До меня доходят вполне внятные слухи, что ястребы из окру-

жения президента, те, что толкали его к силовым решениям, будут в высшей степени довольны устранением Виктора Черномырдина — на его место прочат Олега Сосковца. Поддержав вотум недоверия и вроде бы формально выступив против войны, мы на деле можем помочь именно тем, кто в первую очередь причастен к ее началу. Пока обсуждаем, что делать, неожиданная и страшная новость: отряд Шамиля Басаева напал на Буденновск, захвачена больница, колоссальное количество заложников, в том числе очень много женщин и детей.

Поначалу не поверил, это кажется провокацией. Ведь именно этого ждали сторонники крайних, чисто силовых решений: демонстрации аморальности сторонников чеченской независимости, доказательств, что с ними нельзя иметь дело.

Очень хорошо представил себе дальнейшее развитие событий. Никакая "хирургическая операция", разумеется, не получится, заложников освободить не удастся, будет кровавое месиво. После этого — массовые, стихийные, частично инспирируемые античеченские выступления по всему Северному Кавказу, в других районах России, случаи самосуда, ответные террористические акты и, как неизбежная реакция на них, ужесточение полицейского режима, введение чрезвычайного положения. И прощай демократия.

Со мной связывается Сергей Ковалев. Он в Германии, срочно летит в Москву. Говорит, что надежд практически нет, но попытаться организовать переговоры с террористами мы обязаны. Берет с собой депутатов нашей фракции Михаила Молоствова, Юлия Рыбакова, Александра Осовцова и Валерия Борщова из "ЯБЛока". Вместе они срочно вылетают в Буденновск.

Утром звонок Ковалева, он в Буденновске, объясняет ситуацию. Идет беспорядочный штурм больницы, стрельба по ней, в том числе из БТР, никакой организованной операции по освобождению заложни-

ков не получилось и ясно, что не получится, просто перебьют кучу народа. Ковалеву передали через одного из отпущенных заложников предложение Басаева договориться о временном прекращении огня и, в обмен на него, отпустить часть беременных женщин и женщин с новорожденными из родильного отделения. Сергей Адамович просит меня связаться с кем-нибудь из руководителей, способных принять такое решение, попытаться убедить в его необходимости. Ельцина нет в Москве, он вылетел в Канаду на совещание "семерки". Прямо из дома по городскому звонку Виктору Черномырдину. Практически в ту же минуту соединяют. По опыту знаю, что именно в таких кризисных ситуациях у премьера иногда вдруг неожиданно смолкает телефон, никому не хочется брать на себя ответственность.

Передаю Виктору Степановичу содержание разговора с Ковалевым, убеждаю в необходимости прекратить огонь. Надо спасти хотя бы столько людей, сколько можно спасти. Он соглашается, говорит, что отдаст соответствующее распоряжение. Днем выступаю на съезде "ДВР", говорю о том, что наша позиция по вотуму недоверия правительству будет в определяющей степени зависеть от эффективности усилий по разрешению кризиса в Буденновске с минимальными жертвами. Параллельно постоянно держу телефонную связь с Буденновском.

Во второй половине дня еще один звонок Ковалева. Он говорит, что, на его взгляд, Басаева можно убедить отпустить заложников, снять заведомо невыполнимые требования насчет вывода российских войск с Северного Кавказа, пообещав ему только одно — немедленное начало мирных переговоров в Чечне. Если Черномырдин будет готов предоставить Сергею Адамовичу полномочия для проведения такого разговора с Басаевым, он готов попробовать это сделать.

Пытаюсь связаться с Черномырдиным, Сосковым — на этот раз не удается. Тогда прошу дать по те-

леvidению информацию о том, что Гайдар не может выйти на связь с руководством правительства по срочному вопросу, связанному с урегулированием кризиса в Буденновске. Ровно через две минуты после того, как эта информация проходит в "Вестях", перезванивает Сосковец. Объясняю ему свое видение ситуации, говорю, что, на мой взгляд, не воспользоваться таким шансом было бы просто преступно. Обещает немедленно доложить Черномырдину.

Чуть позже Черномырдин связывается с Ковалевым, предоставляет ему полномочия для проведения переговоров. Прогноз Ковалева оправдался, Басаев действительно согласился отпустить заложников, по существу, под одно условие — немедленное начало переговоров о мире в Чечне.

Ночью эти договоренности перед телекамерами были подтверждены Черномырдиным в личном разговоре с Басаевым. Думаю, идея публичности этого разговора носила отнюдь не только политический характер. Сделав произошедшее достоянием гласности, Черномырдин резко ограничил возможности тех, кто был готов перечеркнуть любые достигнутые договоренности и организовать крупномасштабную авантюру со штурмом и непредсказуемыми последствиями.

Следующий день — тягучие переговоры по освобождению заложников. То нет автобусов, то никак не могут подобрать тех, кто согласится ехать вместе с басаевцами, гарантируя их безопасность. ФСБ требует от заложников подписать издевательскую бумагу о том, что они присоединяются к банде Шамиля Басаева добровольно и полностью отдают себе отчет в последствиях такого решения. К вечеру напряжение ощутимо нарастает.

В двенадцать ночи опять звонок Ковалева. Его только что обманом выманили с территории больницы и не пускают обратно. Он опасается, что именно в ближайшие часы будет предпринята попытка силовой акции. Тогда страшные жертвы, а за ними

весьма вероятно кровавая круговерть в других регионах России. Просит сделать все возможное для того, чтобы предотвратить такое развитие событий. В полпервого ночи связываюсь с Черномырдиным. Делюсь с ним информацией, говорю, что если я хоть что-нибудь понимаю в логике наших силовиков, то именно сейчас, ночью, они могут учинить черт знает что, а ответственность за последствия в полной мере ляжет на него. Виктор Степанович отвечает, что этого ни в коем случае не допустит, в убедительных русских выражениях говорит, что он делает с каждым, кто попытается начать какую-нибудь авантюру.

По информации, которой имею все основания доверять, тогда ночью действительно было принято решение о штурме, и только предельно энергичное вмешательство Черномырдина позволило спасти людей. Я думаю, не только у меня есть основания испытывать благодарность Виктору Степановичу за его действия во время буденновского кризиса.

В результате парадокс: страшный, варварский, кровавый террористический акт действительно послужил импульсом к мирным переговорам. Знаю людей, которые именно поэтому оправдывают Басаева. Сам категорически не принадлежу к их числу. Хорошо представляя себе расклад сил в российских верхах этого времени, убежден: то, что удалось спасти жизнь подавляющего большинства заложников, проложить дорогу мирным переговорам, — редчайшее стечение обстоятельств, примерно как если бы вы подбросили вверх монетку, а она возьми да и опустилась на ребро. Думаю, буденновский кризис — один из тех ключевых моментов, когда угроза нависла не только над жизнью сотен людей, но и над самой российской демократией.

Через два дня после разрешения кризиса в Буденновске, уже во время мирных переговоров, мы с легким сердцем проголосовали против вотума недоверия правительству Черномырдина, но за резолю-

цию с требованием отставки руководства силовых министерств. Тем не менее широкой коалиции — от коммунистов до “ЯБЛока” — хватило голосов, чтобы провести вотум недоверия. Формально выступая против войны в Чечне, думское большинство проголосовало за отставку человека, усилиями которого трудный поворот к миру только что стал возможным. По действующей Конституции, лишь после второго вотума недоверия президент обязан выбрать, что он сделает: отправит в отставку правительство или распустит Думу. Между тем, через три месяца наступает срок, в течение которого, в период перед выборами, Дума не может быть распущена, а значит, при следующем голосовании отставка правительства Черномырдина предрешена. До этого правительство, которому уже вынесен вотум недоверия, существует полулегитимно. Эта его слабость устраивала и большинство Думы, и значительную часть президентского окружения.

Правительство решило повторить наш маневр апреля 1992 года, пойти на обострение, и тут же внесло на рассмотрение Думы проект Закона о доверии себе, тем самым поставив и парламент, и президента перед необходимостью быстрого и жесткого выбора. Если резолюция о доверии не проходит, тогда немедленное решение об отставке правительства или досрочных выборах Думы.

Этот неожиданный поворот событий поверг лидеров оппозиции в состояние, близкое к панике. Только что проголосовав за недоверие правительству, тут же радикально поменять свое решение и через неделю проголосовать за вотум доверия ему — страшный удар по собственной репутации. Пойти же на продолжение конфронтации опасно — а вдруг президент поддержит премьера и распустит Думу, что же тогда, остаться без своих депутатских привилегий, без мощной базы в Думе, которую коммунисты впоследствии столь эффективно использовали в ходе избирательной кампании?

Никогда не любил ходить в здание на Охотном ряду. Там тяжелая атмосфера, воздух буквально пропитан ненавистью. И вдруг на несколько дней эта атмосфера исчезла, я вдруг оказался популярен среди народных избранников. Эмиссары от оппозиции, особенно от колеблющихся популистских групп, один за другим подходят с просьбой помочь найти хоть какой-нибудь выход из сложившегося положения.

Честно говоря, желание наказать политиканов и мелких трусишек было. Но я понимал — поддаваться ему нельзя. Ведь до сих пор ни один парламент после краха социализма в России недорабатывал положенного срока. И это стало дурной традицией. Допустить такое еще раз было бы просто опасно. Выборы должны состояться точно в намеченные сроки.

Позвонил Виктору Степановичу, Борису Николаевичу, договорился о встрече — впервые после начала чеченской войны. Предложил формулу компромиссного решения: Дума еще раз ставит на голосование вопрос о вотуме недоверия, не набирает необходимого количества голосов. Правительство удовлетворяется этим, считает инцидент исчерпанным и не настаивает на повторном голосовании вотума доверия. В результате парламентское большинство оказывается как бы выпоротым, но не слишком больно. И Ельцин, и Черномырдин согласились с этим предложением.

На следующий день решение было принципиально согласовано на встрече Ельцина с руководством фракций и депутатских групп. Дума с огромным облегчением провалила повторный вотум недоверия. А через несколько дней, придя в Думу, я вновь почувствовал привычную атмосферу ненависти.

Маленькая победа в Думе не могла заслонить больших забот о предстоящих перспективах с парламентскими выборами. А ситуация для демократов была очень сложная, если не сказать почти безнадежная. То, что декабрьские выборы будут для "ДВР"

тяжелыми, стало очевидным еще после начала чеченских событий. Помимо этой непопулярной самой по себе войны, действовали и другие негативные факторы. Раскол в самой партии на либералов и сторонников власти; образование движения "Наш дом — Россия", неизбежно отнимающего у нас часть наших же голосов; неудача попыток выстроить единую демократическую коалицию; появление десятков махоньких демократических групп, не имевших ни малейшего шанса преодолеть пятипроцентный барьер, но тоже растаскивавших голоса демократических избирателей... Все это, вместе взятое, низводило "ДВР" в предвыборном раскладе, по данным социологических опросов, в зону риска. Все решало то, куда качнется колеблющийся демократический избиратель, что перевесит — риск потерять свой голос, если "ДВР" барьер не преодолеет, или надежда иметь последовательно либеральную политическую силу, представленную в Думе.

Утром 21 декабря позвонил Черномырдин, поздравил: пятипроцентный барьер нами преодолен. За ним поздравил Георгий Сатаров, помощник президента, занимавшийся выборами. Та же информация — по радио, телевидению. Многочисленные звонки от сторонников, тех, кто нас поддерживал, голосовал за нас. Буквально часа два спустя — волна тревоги, потом разочарование: у Рябова в Центризбиркоме другие данные. Наша партия по-прежнему сохранила сильное положение в столицах — в Москве, в Питере, провела 9 депутатов по одномандатным округам, но проходного барьера не преодолела.

Из-за контраста с предшествующими известиями настроение особенно мерзкое. К тому же удручают общие результаты выборов. Убедительная победа коммунистов, у них явно будет большинство в парламенте, за ними на втором месте Жириновский, "НДР" получил меньше 10 процентов голосов, "ЯБ-Локо" — меньше 7 процентов. Максимум, что смогут сделать в Думе демократы и умеренные, — это не

дать коммунистам конституционного большинства. А ведь у нас впереди, через полгода — президентские выборы. Если умеренные и демократы подойдут к ним столь же раздробленными, вполне может сложиться ситуация, при которой победа коммунистов станет неотвратимой.

Природа постсоциалистического политического цикла довольно ясна. Социализм, как правило, оставляет в наследство финансовую разруху тяжелейшие бюджетные проблемы, крупный и трудноуправляемый внешний долг. Все это вместе с отсутствием традиций уважения к частной собственности, контрактному праву ставит непростые задачи перед правительствами, приходящими ему на смену.

Реформы неизбежно несут с собой радикальные изменения стиля жизни, соотношения доходов, социальных статусов. Общество с трудом адаптируется к подобного рода переменам, даже когда они исторически неизбежны и оправданны. Да, конечно, это хорошо, когда не надо больше стоять в очередях или униженно выпрашивать у местного партийного начальника разрешение на поездку в Болгарию, когда имеешь возможность создать собственное дело или выбрать место, где тебе удобно жить. Но ведь одновременно возникают и серьезные трудности: не хватает денег на покупку товаров, в изобилии появившихся на полках магазинов, да и работать надо куда напряженнее, чем раньше. Думать самому о будущем своей семьи. Все это — реальные жизненные проблемы, и именно правительство, по мнению многих, за них в ответе. Отсюда практически повсеместное поражение начинавших реформы политических сил на вторых после краха социализма принципиальных выборах и успех тех, кто апеллирует к чувствам ностальгии по старому порядку.

Пришедшие на этой волне к власти вполне способны нанести тяжелый удар по хрупким, едва сформированным рыночным механизмам. Так случилось в Болгарии, где реванш социалистов обернулся вес-

ной 1996 года хлебными очередями, бензиновым кризисом, резким сокращением валютных резервов, лавинообразным падением национальной валюты. Но это, скорее, исключение. В подавляющем большинстве случаев через несколько лет после начала реформ посткоммунистические партии уже вполне интегрируются в структуры гражданского общества. Придя к власти на критике реформ, их лидеры, как правило, продолжают проводить примерно тот же курс. Польша, где самые резкие критики либерала Бальцеровича, получив власть, сохранили преемственность в политике, тому наглядный пример.

Подобные примеры рождают опасные иллюзии. Многие россияне думают: если в Восточной Европе с приходом посткоммунистических партий не произошло ничего страшного, так же будет и у нас. На мой взгляд, это опасная ошибка. Именно здесь проявляется принципиальное различие восточноевропейских (вассальных) и российской (имперской) компартий. Восточноевропейские компартии, скажем, польская, венгерская или болгарская, никогда не были, в собственном смысле этого слова, независимыми. По существу, они оставались отделами ЦК КПСС по управлению соответствующими странами-сателлитами. Именно поэтому и для своих народов они всегда были символом национального унижения. И после развала коммунистической империи и дискредитации коммунистической идеологии эволюционировали в сторону социал-демократии.

Совсем другая ситуация в России. Здесь коммунистическая идеология уже давно играла, скорее, роль мишуры, обертки имперской сущности. Крах социализма в России совпал и с крахом империи. Коммунизм здесь оказался переплетенным с радикальным национализмом, а основная линия эволюции КПРФ пошла не в сторону социал-демократии, а в сторону национал-социализма. Вся нацистская риторика 20-х — начала 30-х годов прекрасно приспо-

сабливалась к постсоветским реальностям: текстовые повторы отдельных пассажей Гитлера в книжках лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова, разумеется, далеко не случайность. Конечно, любые аналогии условны, корни КПРФ существенно иные, чем у немецких нацистов, но все же главная тенденция ее эволюции в 1991-1996 годах очевидна. Это партия агрессивного реванша, не принявшая для себя правил игры демократического общества. Ее победа на президентских выборах чревата тяжелым кризисом рыночных и демократических институтов.

В условиях молодой рыночной экономики с развитыми финансовыми рынками реакцию на победу коммунистов нетрудно промоделировать: крах российского фондового рынка, стремление как можно скорее избавиться от акций российских предприятий и перевести вырученные средства в конвертируемую валюту, острейший кризис на рынке государственных заимствований, перераспределение сбережений населения из рублевой формы в валютную, аналогичные действия банков, предприятий.

Уже с осени 1995 года приближение президентских выборов, риск прихода коммунистов к власти начинают сказываться на финансовых рынках, вновь растет доля сбережений населения в валюте.

Нестабильная, молодая налоговая система в России — это не хорошо отлаженный автомат. Ее надо постоянно подправлять, искать противоядие против открывающихся лазеек, просто отказа крупнейших предприятий от уплаты налогов. Именно этим Чубайс энергично занимался в 1995 году. Его отставка в январе 1996 года по предвыборным мотивам — мощный сигнал рынку. Директора понимают: в ближайшие месяцы с налогами можно не торопиться, власть усердствовать не будет. Отсюда резкое падение доходов государства, рост налоговой недоимки. С начала марта — нарастание кризиса на рынке государственных заимствований. Процентная ставка по

государственным казначейским обязательствам, срок исполнения которых — до первого тура президентских выборов, втрое меньше, чем ставка по таким же бумагам, но со сроком реализации после начала июля.

Не надо быть великим экономистом, чтобы понять: в случае победы Зюганова, еще до того, как он переступит порог кремлевского кабинета, выстроятся очереди к обменным пунктам, начнется масштабное бегство и российского, и иностранного капитала за рубеж. Быстрое истощение валютных резервов, резкое падение курса рубля, вынужденный отказ от его конвертируемости — все это практически неизбежные ступени развития кризиса, который развернется в результате победы коммунистов. А отказ от конвертируемости — это уже начало развала всех с таким трудом созданных рыночных механизмов. Исчезнет конкуренция импортных товаров, ускорится рост цен, вновь возникнет дефицит на различных рынках. Естественная реакция населения на неконвертируемость рубля и появление дефицита — панические закупки предметов первой необходимости, дальнейшее ускорение роста цен, рост бедности. И практически неизбежные в данной ситуации попытки ввести контроль цен на важнейшие товары. Ну, а контроль цен в условиях финансовой и потребительской паники — прямой путь к восстановлению тотального дефицита.

Откуда возьмется зерно в городах, если рубль вновь перестанет работать? Как тогда взять его у фермеров и сельскохозяйственных предприятий? Посылать на село продотряды?

Короче говоря, экономический анализ показывает: победа коммунистов автоматически разрушит рыночные регуляторы, страна окажется в обстановке экономического хаоса 1991 года, когда не работают ни деньги, ни приказы. Нетрудно представить себе реакцию населения — рост недовольства, непопулярность режима, лихорадочный поиск врагов наро-

да. Все это вряд ли надолго. Никакого стабильного тоталитаризма уже не получится, нет для него ни социальной, ни идеологической, ни финансовой базы. Но удар по перспективам развития России в XXI веке будет нанесен мощнейший,

Между тем, возможность победы коммунистов не какая-то аномалия, не историческая случайность. Они просто оседлали ту волну, которая уже привела к власти множество посткоммунистических партий Восточной Европы. Вопрос в том, можно ли в России остановить их и если можно, то как.

Главная надежда на то, что общество все-таки осознает риск, связанный с победой коммунистов именно в России, сработает инстинкт самосохранения. Все-таки одно дело выразить свое недовольство властью на парламентских выборах, зная, что твоя жизнь от этого радикально не изменится, и совсем другое — проголосовать за начало радикальной контрреформации в России.

Победа коммунистов, разумеется, не нужна нам — демократам, тем, кто выступает за продолжение либеральных реформ, упрочение частной собственности, равные правила игры, ускорение аграрной и военной реформ, реформу российской государственной машины. Но она не нужна и партии власти, тем, кто ориентируется на сохранение сложившегося статус-кво, кого вполне устраивает сформировавшийся, далеко не привлекательный номенклатурный капитализм. Им ведь тоже не хочется великих потрясений.

За прошедшие пять лет очень многое изменилось в России. То, что было теоретическими конструкциями, проектами, идеями, — развитая система рынков, бездефицитная экономика, конвертируемый рубль, свобода внешнеторговых реформ, масштабный частный сектор, аукцион, акционерные общества — стало реальностью, жизнью миллионов людей. Сегодня даже та часть элиты, которая в начале 1992 года считала наши рыночные идеи чисто те-

оретическими, приняла все это как данность и отнюдь не собирается от созданных рыночных механизмов отказываться.

Да, мы и партия власти по-разному видим дальнейшее направление развития России, но сегодня, волею обстоятельств, мы стратегические союзники. Не исключено, что еще весной 1995 года объединенные демократы могли противопоставить коммунистам сравнимый противовес. В начале 1996 года, после сокрушительного поражения на парламентских выборах, это нереально. Значит, стратегический союз демократов и партии власти — необходимая предпосылка, чтобы предотвратить коммунистический реванш.

Необходимая, но вот достаточная ли? Ельцин — естественный претендент на роль лидера такой коалиции. Он олицетворяет собой действующую власть и, вместе с тем, при всех отступлениях и ошибках, остается главным инициатором российских реформ. Однако в последние месяцы он поразительно пассивен, производит впечатление уставшего, больного человека, утратившего присущую ему ранее энергию. Создается впечатление, что им просто манипулирует ближайшее окружение. Уровень его поддержки в обществе близок к нулевой отметке. Связывать с ним надежды на предотвращение коммунистического реванша кажется просто самоубийством. Что может сиднем сидящий Илья Муромец против татарского нашествия?

Кульминация кризиса власти Ельцина — события в Первомайском.

Еще до начала событий я уехал на дачу, решил немного поработать, попросил секретаря без крайней необходимости не звонить. И все же звонок с работы, испуганный голос моего секретаря Леночки: только что по телевизору передали, что террористы в Первомайском предложили освободить заложников, если их согласятся заменить собой Гайдар, Явлинский или Лебедь. Журналисты требуют коммен-

тариев. К этому времени мне ясно — отряд Радуева решено уничтожить, не считаясь ни с чем. Тем не менее, если есть хоть какой-то возможность ограничить число жертв, спасти мирных людей, этим надо воспользоваться. Захватываю с собой вещи, мчусь на работу. Пытаюсь дозвониться до Барсукова — не соединяют, прошу ему передать, что, на мой взгляд, предложение боевиков надо принимать вне зависимости от того, что они собираются делать дальше. Звоню руководству Генерального штаба, ключевым сотрудникам Администрации президента. По реакции чувствую — заложников уже похоронили.

Операция под руководством директора ФСБ Михаила Барсукова. По действиям властей нетрудно догадаться: дана задача уничтожить террористов, ни в грош не ставя жизни заложников, уже объявленных перебитыми. Провал штурма, уход дудаевцев вместе с заложниками. Своеобразная смесь жестокости и беспомощности. На последующей пресс-конференции генерал Барсуков, с присущим ему тактом, объявляет, что все чеченцы либо убийцы, либо разбойники или, в лучшем случае, воры. Президент перед телекамерами рассказывает о прекрасно спланированной операции с участием 38 снайперов, потом о созданном дудаевцами в Первомайском мощном укрепленном районе. Он выглядит полностью оторванным от реальности. Смотреть невыносимо, мучительно стыдно.

Выступил с предельно резким заявлением, осуждающим действия властей, сказал, что президент становится игрушкой в руках очень опасных людей, потом направил Борису Николаевичу письмо о своем выходе из состава Президентского совета.

Получаю письмо от президента.

Е. Т. Гайдару

Егор Тимурович!

Судьба свела нас в один из самых ответственных и опасных для страны моментов. В немалой степени благо-

даря вашему мужеству удалось начать настоящую экономическую реформу, политические преобразования. Что бы ни говорили сейчас, остаюсь верен этому курсу.

Знаю, что Вы активно заняты политикой не ради корысти. Очень надеюсь, что при решении исключительно сложных политических проблем нынешнего года Вы, как и прежде, во главу угла будете ставить не эмоции, а интересы России, что в самые критические моменты Вы проявите ясное стратегическое видение.

Благодарен Вам за длительную совместную работу. Желаю Вам всего доброго.

Б.Н.Ельцин

Отвечаю ему:

Уважаемый Борис Николаевич!

Спасибо за Ваше письмо от 2 февраля. Как бы ни поворачивались потом события, я всегда помню о том мужестве, с которым Вы взяли на себя в 1991 году ответственность за начало жизненно необходимых для страны, но политически столь опасных реформ. Убежден, именно это позволило предотвратить реальную угрозу катастрофы зимой-весной 1992 года. Мы и в 1991 году понимали, что задача реформирования российского общества после 75 лет коммунистического режима очень тяжелая, но все же, наверное, не понимали, насколько она будет мучительна. Именно потому, что хорошо осознаю, какое бремя легло на Ваши плечи, всегда сохраняю глубочайшее уважение к тому, что Вы сделали для становления демократии и рыночной экономики в России. Именно поэтому так тяжело видеть, как люди, которым Вы сегодня доверяете, просто компрометируют Вас своими лживыми донесениями и беспомощными действиями, как это было, например, при разрешении кризиса с заложниками в Первомайском.

Разумеется, для меня главный приоритет во всем, что я делаю сегодня и буду делать в ближайшем месяце, - не допустить прихода коммунистов к власти, нового кровавого эксперимента, способного перечеркнуть многое из того, за что мы боролись. Именно это, а не эмоции, будет определять мою позицию. К сожалению, много общаясь с людьми

ми, с избирателями в разных регионах России, прекрасно понимаю, какой груз ответственности в глазах людей за сегодняшние непростые проблемы лежит на тех, кто взял на себя политическое мужество начать преобразования, а значит, в первую очередь, на нас с Вами. Именно поэтому сегодня выдвижение Вашей кандидатуры как центра противостояния коммунистам не кажется мне правильным решением.

Вне зависимости от наших текущих политических разногласий сохраняю к Вам глубокое личное уважение.

Е. Гайдар

Ну хорошо, а что делать дальше? Несколько раз заходит Явлинский, просит поддержать его кандидатуру. Обсуждаю эту возможность на Политсовете в "ДВР". Мнение подавляющего большинства коллег — это исключено. После невероятных кульбитов прошлого мая большинство наших единомышленников о поддержке Явлинского и слышать не хочет. К тому же январская история, когда в результате позиции, занятой "ЯБЛОКОМ", коммунисты смогли легко провести своего представителя Геннадия Селезнева на пост председателя Государственной Думы, энтузиазма по поводу такого союза не прибавляет. Сам прекрасно понимаю: выстроить антикоммунистическую коалицию партии власти и партии демократии вокруг Явлинского невозможно. Игра заведомо безнадежна. Даже если мне чудом удастся убедить всех наших сторонников голосовать за Явлинского, он все равно не имеет шансов оказаться во втором туре.

К этому времени вижу лишь две призрачные возможности не допустить победы Зюганова: либо убедить Ельцина не выставлять свою кандидатуру, поддержать Черномырдина, либо, если этого добиться не удастся, попытаться создать демократическую коалицию вокруг нижегородского губернатора Бориса Немцова. Он молод, энергичен, не причастен к столичным тусовкам, не вызывает отторжения у изби-

рателей “ДВР” и “ЯБЛока”, политически талантлив, умеет разговаривать с народом, очаровывать, вызывать поддержку. За ним реально сделанное дело, он удачливый губернатор, только что с подавляющим преимуществом выигравший выборы в своем непросто-м регионе. На основе многочисленных консультаций с лидерами демократических партий и движений прихожу к убеждению: для большинства из них — это приемлемый вариант. В отсутствие коалиции партии власти и демократов Немцов, видимо, единственная демократическая фигура, имеющая хотя бы некоторые шансы пробиться во второй тур, выиграть у коммунистов.

Быстро, однако, убедился — оба варианта не пройдут. Ельцин принял твердое решение баллотироваться, Виктор Степанович никогда не пойдет против него. Да это было бы и глупо, еще не хватало раскола в самой партии власти. Убеждаю Явлинского в целесообразности совместной поддержки Немцова, без чего затея с его выдвижением бессмысленна — это лишь разобьет голоса демократических избирателей. Явлинский отказывается. К концу февраля 96-го все варианты, дававшие хотя бы призрачные надежды, отработаны и ни к чему не привели.

Значительная часть окружения Ельцина ни в грош не ставит шансы его победы на демократических выборах. Все громче разговоры о необходимости их отмены или переноса. Всегда категорически выступал против таких вариантов, и не только по принципиальным соображениям, но и по сугубо прагматическим. Конституционных способов добиться переноса выборов — не существует. Это выход в неправовое поле, к тому же предпринятый, в отличие от 1993 года, без каких бы то ни было понятных обществу оснований. В этом случае от легитимности власти Ельцина не останется и следа, судьба страны будет зависеть от позиции силовых министерств. Мне хорошо известно: поддержку в них действующей власти не надо преувеличивать, армия са-

ма в политику не полезет, но, если ее туда толкнуть, президента могут ждать неприятнейшие сюрпризы. Затея провалится, а история молодой российской демократии закончится фарсом в стиле ГКЧП. Даже если предположить, что переворот удастся, лишенный легитимности Борис Ельцин окажется игрушкой в руках организаторов и вдохновителей этого переворота, их заложником. По подчеркнутой беспомощности в работе предвыборного штаба президента в феврале не составляет труда догадаться — Ельцину хотят оставить только силовые альтернативы.

Коллеги по Политсовету "ДВР" уговаривают меня дать согласие на выдвижение своей кандидатуры в президенты, доказывают, что это выход. Я прекрасно понимаю, что это никакой не выход. Мое выдвижение ни одной проблемы не решит, лишь вызовет ощущение ненужной суеты в лагере демократов.

Борис Николаевич приглашает для разговора. Еще раз объясняю ему свою позицию, говорю о том, что он, на мой взгляд, должен сделать, если надеется перетянуть на свою сторону голоса демократов. ~~Поговорили~~ о кадровых переменах, о необходимости серьезных усилий по поиску мира в Чечне.

В ходе разговора неожиданно поймал себя на мысли, что вижу перед собой отнюдь не того Ельцина, который буквально месяц тому назад говорил с телеэкрана что-то невнятное о тридцати восьми снайперах и укрепрайоне в Первомайском. Он четок, собран, энергичен, на лету ловит мысль собеседника. Такое ощущение, что не было этих пяти лет, как будто мы снова в октябре 1991 года, на нашей первой встрече, открывшей правительству реформ возможность действовать. После разговора, впервые за месяцы, зарождается надежда, что, может быть, сейчас, в ключевой для России момент, Ельцин сумеет резко измениться, набрать былую энергию и восстановить контакт с избирателями.

И действительно — в марте 1996 года народ вдруг

видит перед собой совершенно другого, уже забытого президента: Ельцина образца 1991 года, с его уникальным умением разговаривать с людьми, привлекать симпатию энергией, напором. Такое ощущение, что наш Илья Муромец наконец встряхнулся. Первое известие о росте популярности Ельцина воспринимается все же недоверчиво: так просто не может быть. Но быстро приходит понимание — общественное настроение действительно переменялось, и становится ясно: борьба на предстоящих выборах развернется между ним и Зюгановым.

После того как Ельцину удалось в течение марта сделать предвыборную ситуацию в стране двухполюсной, наша позиция, по существу, стала очевидной. При выборе между Зюгановым и Ельциным мы, как демократическая партия, просто обязаны поддержать Ельцина. Сколько бы у нас ни накопилось серьезных претензий, отказать ему в поддержке — значит, встать в глупейшую подростковую позицию: шапку не надена — пусть у меня назло маме уши отмерзнут!

Нетрудно понять — при всех своих прегрешениях Ельцин остается гарантом предотвращения второго пришествия коммунистов, а это дорогого стоит. Это значит, что частная собственность в России гарантирована, что рынки не будут развалены, что созданные молодые институты российского гражданского общества получают возможность жить и развиваться, постепенно дисциплинируя власть, заставляя с собой считаться. Экономический рост создаст ресурсы для решения наиболее жгучих социальных проблем, и мы наконец перестанем заниматься безнадежным делом перераспределения все сокращающегося общественного пирога. Наконец начнет наращивать мускулы, осознавать свои подлинные интересы тот средний класс, который и служит потенциальной опорой либеральных идей, борьбы за ограничение всевластия чиновничества, а значит, и за отделение собственности от власти. Короче говоря,

все это означает, что безмерно сложные задачи обеспечения необратимости постсоциалистических изменений в России будут решены. Голосуя за Ельцина, мы поддерживаем не его администрацию, а частную собственность, конвертируемый рубль, гражданское общество в России. Именно исходя из этих аргументов, съезд "ДВР" подавляющим большинством голосов — 157 "за", 1 "против" — принял решение: энергично поддержать Ельцина в избирательной кампании.

Кое-кто тут же поспешил обвинить Гайдара в беспринципности. Недавно, мол, просил Ельцина отказаться от участия в президентской гонке, весной на всю страну по телевидению заявил, что поддерживать его не будет, и вдруг, нате вам — летом повернул на 180 градусов. Но ведь — повторяю для непонятливых — и ситуация с весны изменилась на те же 180 градусов. И надо быть ослом, чтобы из чистого упрямства талдычить старое, так сказать, "не поступаюсь принципами".

В канун выборов стало совершенно очевидным, что Ельцин имеет все шансы одержать победу. Но его победа — это прежде всего победа курса реформ. Она — свидетельство того, что ребенок жив и дышит, что он будет расти и мужать. И значит — это победа тех, кто стоял у его колыбели, у колыбели реформ. А значит — это и моя личная победа.

Надеюсь, со временем Анатолий Борисович Чубайс, принимавший в президентской кампании куда большее участие, чем я, сможет рассказать откровенно о борьбе в верхних эшелонах власти вокруг силового варианта, о попытке спровоцировать введение чрезвычайного положения, о подготовке союза за Ельцина и Лебеда и о драматических событиях, предшествовавших отставкам Коржакова, Барсукова, Сосковца. Пока все это, пожалуй, слишком близко и горячо для откровенного разговора. Для меня же сейчас важно другое — победа Ельцина на президентских выборах 3 июля подвела черту и под исто-

рией русской революции начала девяностых годов, и в целом под историей коммунизма в России.

КПРФ, не прорвавшись к власти в 1996 году, несмотря на боль общества, тяжело **приспосабливающегося** к иной жизни, и упустив волну первого **пост-социалистического** политического цикла, теперь власть в России не получит никогда. Если, конечно, сама радикально не перестроится.

Мне думается, что это лучший выход и для самой КПРФ. Проиграв на июльских выборах, она, тем не менее, остается влиятельной оппозиционной силой, представленной в парламенте, **контролирующей** значительную часть регионов, притом не несущей непосредственной ответственности за **происходящее** в стране. Наверняка в ней самой начнется процесс размежевания, выделения тех сил, которые готовы принять как данность институты гражданского общества и **социал-демократизироваться**.

Как-то в личном разговоре сказал одному из лидеров коммунистов, что их победа была бы опасней всего для них самих. Когда все развалится, а это, в случае их прихода к власти, неизбежно, с ними вряд ли поступят так мягко, как после августа 1991-го. Он мне не возразил. Иногда, глядя на то, как Зюганов ведет предвыборную кампанию, у меня складывалось впечатление, что он и сам боится своей победы, понимает, что не совладает с рычагами, регулирующими сегодня жизнь России. Все-таки, видимо, именно созданные рынки, частный сектор, отношения собственности стали той преградой на пути к власти, перешагнуть которую коммунистам так и не удалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТЕПЕРЬ молодой, еще очень несимпатичный, не совершенный российский капитализм, только что счастливо избежавший угрозы коммунистической контрреформации, стоит перед новой стратегической дилеммой. Собственность и власть в России еще четко не отделены, переплетены тысячами нитей. Преуспевание банка или предприятия еще больше зависит от тесных отношений с органами власти, чем от эффективности собственной работы. Налоговое и таможенное регулирование, пронизанное льготами, напоминает решето, через которое уходят триллионы рублей. У чиновников широчайшие возможности расходовать государственные средства по собственному усмотрению. Не обеспечены равные правила игры. Создание и перераспределение административной ренты куда более надежный путь к обогащению, чем освоение новой продукции, выход на новые рынки. Источником многих социально-экономических проблем служит само коррумпированное государство, за которым скрываются мощные интересы тех, кто сегодня причастен к перераспределению этой административной ренты, мечтает, чтобы именно такой коррумпированный, бюрократический капитализм упрочился в России. За разговорами о борьбе против рыночного романтизма и усилении контроля государства над экономикой скрываются, как правило, именно эти корыстные интересы. Такого рода капитализм неплохо известен по опыту "третьего мира". Он даже позволяет обеспечивать экономический рост, но всегда в уродливых формах, при вопиющем социальном неравенстве, порождающем постоянную социально-политическую нестабильность.

Никакой не секрет, что надо сделать, чтобы вывести развитие российского капитализма на иной, цивилизованный путь. Нужно:

— Четко отделить собственность от власти.

— Обеспечить равенство правил игры в экономике.

— Заделать дырки в налоговом и таможенном режиме.

— Ввести в действие закупочный кодекс — инструмент жесткого контроля за расходованием государственных средств.

— Резко ограничить вмешательство бюрократии в управление конкурентными секторами экономики.

Заставить государство делать то, чем оно должно заниматься в условиях рынка, — обеспечением порядка, устойчивости национальной валюты, соблюдением контрактов, социальной защитой, регулированием естественных монополий.

Иными словами, России жизненно необходим новый цикл либеральных реформ, позволяющих сделать наш молодой рынок менее криминальным и коррумпированным; власть — более компетентной и честной; распределение результатов экономического роста — более справедливым. Именно борьба вокруг этих альтернативных путей будет определять политическое и экономическое развитие России в ближайшие годы.

Но это уже другая история. И для другой книги.

ДНИ ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

От автора

172

ГЛАВА I

Детство

176

ГЛАВА II

В поисках точки опоры

190

ГЛАВА III

Варианты и прогнозы

204

ГЛАВА IV

Август девяносто первого

242

ГЛАВА V

Накануне...

260

ГЛАВА VI

Первый шаг, он трудный самый

286

ГЛАВА VII

Суровая зима девяносто первого

328

ГЛАВА VIII

Сбывшийся прогноз

352

ГЛАВА IX

Отставка

398

ГЛАВА X

Двоевластие

420

ГЛАВА XI

Схватка

456

ГЛАВА XII

Время упущенных возможностей

478

ГЛАВА XIII

Демократия на фоне Чечни

510

Заключение

554